НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
УЛИКИ
ГОРЯТ СИНИМ ПЛАМЕНЕМ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов

Улики горят синим пламенем

Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314852
Улики горят синим пламенем: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41377-5

Аннотация

В Москве происходят массовые поджоги автомашин. Полковники Гуров и Крячко, может быть, и не занимались бы этим делом, но сначала сгорает дотла роскошный «Мерседес» известного предпринимателя Ставрогина, а затем в очередных сгоревших автомобилях начинают находить обугленные трупы. Дело взято под самый высокий контроль, и сыскари понимают, что результат должен быть во что бы то ни стало. В ходе розыска Гуров выясняет, что к делу каким-то боком причастен супердорогой проект «Бриллиантовый гектар», в котором не последнюю роль играет все тот же Ставрогин…

Содержание

Пролог 4
Месяц спустя 15
Пятница 15
Суббота 24
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Николай Леонов, Алексей Макеев
Улики горят синим пламенем

Пролог

Особняк Мурада Чингизовича Джавдетова стоял в глубине столичного лесопарка Олений Бор. Парк был огромный, запущенный и неухоженный. В сотне метров от входа заканчивался асфальт, еще через пару сотен метров обрывались грунтовые дорожки и тропинки. Дальше болотистая почва не пускала даже самых любопытных. Да и заблудиться в лесных дебрях было легче легкого.

Впрочем, сквозь чащу была проложена ухоженная асфальтированная трасса. Она вела в глубину лесопарка, где за глухими заборами прятались несколько узковедомственных больниц и пансионатов для слуг народа, а также скрывались какие-то совсем секретные заведения. Одним из самых секретных объектов был особнячок Мурада Чингизовича.

Площадь участка Мурада была «небольшой», гектаров двадцать – двадцать пять. Меньше, чем у Московского Кремля. Место тихое, не Рублевка какая-нибудь, с ее чиновно-звездным населением и докучливыми журналистами. Здесь, в чаще, Мурад Чингизович чувствовал себя не в пример спокойнее. Да и к центру поближе. Москва все-таки.

Проникнуть к нему было непросто. Участок огораживала сплошная бетонная стена. По верху ее змеились витки колючей «егозы» и тянулись струны – проволока под током высокого напряжения. Кое-где над забором торчали вышки – там дежурили вооруженные до зубов охранники. Их коллеги патрулировали территорию пешком и на квадроциклах. Ходили слухи, что буквально каждый клочок земли Мурада простреливается перекрестным пулеметным огнем.

Как всегда, среди окрестной братии нашлись и такие, которые слухам не поверили и решили сами во всем убедиться. Сначала, как полагается, выпили, потом полезли. Через неделю их изуродованные трупы обнаружили в верховьях Гнилого оврага. Милиция списала их гибель на несчастный случай. Больше желающих проверять систему охраны Мурада не находилось.

Сам особняк Мурада архитектурой напоминал средневековый готический замок. Башни, стены с зубцами и узкими бойницами. Внутреннее убранство помещений соответствовало внешнему виду. Особую гордость владельца вызывал Рыцарский зал. Он был огромный, мрачный, с резным сводчатым потолком и темной мебелью из ореха и мореного дуба. В соответствии с названием зал был заставлен рыцарскими доспехами, пешими и конными. Из общего стиля выбивались разве что аквариумы.

Аквариумов было много. От небольших шарообразных, литров на двадцать-тридцать, до серьезных – на пятьсот литров, сделанных из силикатного и акрилового стекла. Аквариумы в форме панорамной линзы, аквариумы-колонны, аквариумы-картины в раме, аквариумы-шкафы, отделанные ценными породами дерева. Мерцающая подсветка аквариумов еще больше придавала залу загадочности и таинственности.

В этот ненастный апрельский вечер Мурад принимал в Рыцарском зале важного гостя. Гость был довольно молодой, но весьма солидный, с бородкой-эспаньолкой, высокий, полный и красивый. Звали его Николаем Всеволодовичем Ставрогиным.

Собеседники уже пообедали и теперь, развалившись в «ушастых» чиппендейловских креслах, вели неспешную беседу, покуривали трубки и потягивали коньяк из подогретых пузатых бокалов.

– Поверьте, уважаемый Мурад, дело это верное и очень выгодное, – вкрадчиво говорил гость. – Если Остоженку называют «Золотой милей», то Воронцовка станет милей «Платиновой», а то и «Бриллиантовой». И не милей, а гектаром. «Бриллиантовый гектар». Как вам такое название?

– Только один гектар? – разочарованно переспросил Мурад.

Николай Всеволодович вкрадчиво улыбнулся:

– Ну что вы, это просто фигура речи. Площадь участка составляет не один гектар, а что-то около двадцати. И эта территория находится в границах Садового кольца, с выходом на набережную Яузы. Но и вложения, сами понимаете, потребуются астрономические.

Хозяин напряженно засопел:

– А проблемы с точечной застройкой, с жильцами? Их же расселять придется!

Гость усмехнулся:

– Какая точечная застройка, какие жильцы? Вся прелесть в том, уважаемый Мурад, что там нет никаких жилых домов. Только цеха, пустыри, конторы и склады. Такого добра в центре Москвы еще предостаточно. Так что дело придется иметь не с толпами разъяренных жильцов, а с отдельными хозяйствующими субъектами. Ну а к этой публике ключик у нас давно подобран. Главная проблема не они, а наши конкуренты. И главная задача – подмазать Вишневского. Если он вдруг рогом упрется или враги перекупят, тогда пиши пропало. Поэтому денег понадобится очень много. Но, повторяю, расходы окупятся тысячекратно. Представляете? Поселок особняков в десяти минутах ходьбы от Кремля! Вся проблема в деньгах. Точнее – в их количестве.

Хозяин особняка воздел руки к невидимому во мраке потолку и принялся стенать:

– Э, деньги! Мурад за все готов платить и всегда платит! Деньги все берут, никто не отказывается. Только говорят: мало, еще давай! А ведь деньги просто так с неба не сыплются. Их тяжелым трудом зарабатывать приходится. Причем годами. А потерять можно в одну секунду. Что за жизнь – сплошные стрессы…

Мурад поставил бокал, неуверенно потер подбородок и внимательно посмотрел на гостя. Незаметно для себя он перешел на «ты»:

– Так ты точно говоришь, что дело верное? Это хорошо. Я не люблю авантюр. Ты знаешь, у меня уже два инфаркта было, мне волноваться никак нельзя. Кстати, ты как стресс снимаешь?

Ставрогин недоуменно пожал широкими округлыми плечами.

– Ну, у меня есть психоаналитик. Алкоголем тоже неплохо, – он покачал перед носом темную жидкость в бокале.

При упоминании о психоаналитике Мурад презрительно поморщился. Алкоголь, как средство от стресса, мысленно одобрил.

– Знаешь, многие идиоты таблетки пьют, – с возмущением произнес он. – Тра… транк…

– Транквилизаторы? – подсказал гость.

– Именно. Это же чистая наркомания. Безобразие, честное слово! А вот я только рыбками и спасаюсь. Экологически чистое средство. Что бы я без них делал? Люблю с ними пообщаться: покормить, понаблюдать. Очень успокаивает. Рекомендую. Черчилль, между прочим, тоже так делал.

Николай Всеволодович поставил бокал и замахал руками.

– Да о чем ты говоришь, какие рыбки? У меня на это ни времени, ни денег нет.

Мурад сделал удивленное лицо:

– Я совсем тебя не понимаю. Какие деньги?

– Так рыбки-то денег стоят. И, наверно, немалых, – пояснил гость.

Хозяин не согласился:

– Э, разве в цене дело? Главное – живые! Они плавают, а ты за ними наблюдаешь и расслабляешься. Дорогие, дешевые – какая разница! У меня тут и простые меченосцы, и гупяшки есть. Ну, конечно, и редкие экземпляры имеются. Пойдем, покажу.

Хозяин снова наполнил бокалы коньяком и встал с дивана. Гость поневоле последовал за ним. Мурад остановился у большого, стилизованного под антикварный шкаф, аквариума с шустрыми рыбками и заговорил с нескрываемым восторгом:

– Вот, гляди, это сиамские петушки. Все время дерутся. Даже за самками так ухаживают. Гоняют по всему аквариуму. Очень смешно, совсем как у людей. Бьют – значит, любят.

Они прошли дальше, к большому шару, в котором резвились золотистые рыбки с вертикальными черно-красными полосками.

– А это суматранские барбусы, – продолжал рассказывать хозяин. – Тоже хулиганы. Посадил их сначала с вместе золотыми рыбками – по цвету; так они, мерзавцы, им тут же вуаль обкусали. А те, хоть и дешевые – по полста баксов, – но тоже жалко. И, опять же, фэншуй, наука такая, говорит, что золотые рыбки благоприятно влияют на бизнес, так что надо их беречь.

В соседнем аквариуме медленно плавали плоские круглые рыбы размером в полладони. У одних чешуя была красной, у других – оранжевой.

– Это уже серьезнее – дискусы, – с гордостью объявил Мурад. – Священные рыбы золотого тельца. И цена соответствует. По тонне баксов за штуку.

Но внимание Ставрогина привлек другой аквариум, где медленно шевелило плавниками крупное чудовище в форме толстой сабли с неприятным отростком на губе.

– А это что за урод?

Хозяин расплылся в радостной улыбке:

– Я знал, что ты спросишь! Это аравана – древнейшая рыба на свете. Рыба-дракон. У себя, в Южной Америке, они даже птичек глотают. Что интересно, мальков отец вынашивает во рту. Всего несколько штук. Чтобы их добыть, приходится отрубать ему голову. Там, дома, взрослых рыб для безопасности снабжают специальными чипами. А за попытку нелегального вывоза навешивают приличный срок. Один малек красной араваны несколько тысяч баксов стоит.

Гость не разделил восторгов хозяина. Древняя аравана, жрущая птичек на далекой Амазонке, ему определенно не понравилась.

– Сейчас модно держать в аквариуме акул, – заметил он.

Мурад замотал головой:

– Акулы? Нет! Никогда! Во-первых, я за модой не гонюсь. А во-вторых, это же хищники! Не люблю хищников. Они суетятся все время. На месте стоять не могут, все время мотаются туда-сюда, туда-сюда. И зачем мне за мои же деньги смотреть на их беспокойство? Рыбки должны успокаивать, а не наоборот. Нет?

Николай Всеволодович кивнул.

– Согласен. Когда я был маленький, у моего соседа был аквариум. Я тоже любил понаблюдать за рыбками, покормить. Часами мог смотреть…

Он автоматически посмотрел на свои часы. Мурада они сильно заинтересовали.

– Большая редкость, – объяснил Ставрогин. – Сделаны из металла, поднятого с «Титаника». Подарок друзей. Говорят, на двести штук баксов потянут.

Тут, словно понимая, что речь зашла о часах, большие башенные куранты в углу зала мелодично заиграли «Интернационал». Мурад засуетился:

– Вот, слышал звон? Время кормить рыбок. Я это всегда делаю в одно и то же время. Очень, знаешь ли, успокаивает.

Он раскрыл дверцы большого орехового шкафа, стилизованного под семнадцатый век. Полки его были уставлены разными банками с какой-то сыпучей дрянью. Во всяком случае, из шкафа ощутимо несло сушеным навозом.

Ставрогин с волнением следил за священнодействием любителя-аквариумиста. Тот отмерял из известных ему одному склянок порции вонючих смесей и сыпал то в один, то в другой аквариум. Николай Всеволодович не без трепета ждал, когда дело дойдет до живых птичек для мерзкой араваны. Наконец, устав от нетерпения, прямо спросил об этом Мурада.

Тот в ответ только рассмеялся:

– Э, какие птички, слушай! Мурад кто – зверь? Нет, аравана у меня тоже специальным белковым кормом питается. Мурад никого не убивает! Даже птичек.

В этот момент двери зала неслышно приоткрылись. К хозяину осторожно подошел начальник его охраны и что-то тихо сказал на ухо.

Лицо Мурада страдальчески искривилось.

– Ладно, давай его прямо сюда, – с печальным вздохом сказал он телохранителю и виновато посмотрел на гостя: – Извини, дорогой, дела. Нигде покоя нет!

Начальник охраны извлек коробочку рации и негромко произнес:

– Введите.

Двери в зал распахнулись шире. Вошли двое высоких плечистых парней. Ставрогин знал, что зовут их Вахо и Михо. Он видел их всегда вместе, поэтому не смог бы сказать, кто из них Вахо, а кто Михо. Они тащили под руки тощего типа в мятой белой рубашке и черных брюках. Перед хозяином они остановились и отпустили пленника. Тот рухнул на колени и заныл:

– Прости, Мурад!.. Я все отдам, клянусь!

Николай Всеволодович внимательно оглядел новое действующее лицо. Поинтересовался:

– А почему он такой худой? У тебя в зиндане что, совсем не кормят?

Мурад обиделся:

– Вах! Зачем так говоришь? Почему не кормят? Его вчера только привезли. Просто он по жизни такой. Ты вот толстый, а он – нет.

Теперь обиделся Ставрогин:

– Я не толстый, я нормальный. Полный, в конце концов. А этот – тощий как скелет. Может, он наркоман или у него глисты?

– Зачем наркоман? Он в карты любит играть, вот его наркотик! Другого не надо.

Тут Мурад вдруг забеспокоился. Он поставил в шкаф очередную склянку, подошел к тощему типу, приподнял его склоненную голову и заглянул в глаза. Даже веко оттянул.

Наконец он отпустил голову тощего.

– Э, какие глисты, слушай? Нет у него никаких глистов. Просто натура такая – ничего на пользу не идет. Деньги дашь – проиграет, кушать дашь – все в унитаз уйдет. Пустой человек, честное слово!

Он сел и уставился на задержанного. Потом заговорил тихим, проникновенным голосом:

– Э, зачем опять деньги не отдаешь, э? Ты что думал, Мурад – это касса взаимопомощи? Так туда все, что взял, тоже возвращать надо. А ты? Захотел – отдал деньги, не захотел – не отдал. Нехорошо! Мне ведь волноваться вредно. У меня три инфаркта было! Вах!

Он помолчал, потом встал, чтобы вернуться к трубке и коньяку.

– Ну, и что нам с тобой делать? – спросил Мурад не то пленника, не то самого себя.

Тот продолжал скулить, скорчившись на полу:

– Мурад, не убивай! Клянусь, все отдам.

Хозяин сыпал корм в аквариум с вуалехвостами.

– Что «Мурад»? – ворчал он. – Я пятьдесят три года как Мурад, и из них целый год слышу, как ты обещаешь мне вернуть мои деньги. Ты когда их просил, что говорил? «Мурад Чингизович, выручи!» Мамой клялся, что век благодарить будешь. А что теперь? Деньги не возвращаешь, да еще на каждом углу звонишь, что Мурад, шакал черножопый, за горло тебя берет из-за какой-то сотни штук поганых баксов!

В Рыцарском зале надолго воцарилось гнетущее молчание. Мурад продолжал свое занятие, остальные не решались заговорить. Наконец один из телохранителей, то ли Вахо, то ли Михо, прервал паузу:

– Так что с ним сделать, босс?

Мурад повернулся к Ставрогину:

– Сегодня ты мой гость, ты и решай. Денег у него нет, и взять ему их негде, я проверял. Воровать он боится, работать не умеет, а в казино его больше не пускают. Так что его надо либо убивать, либо отпускать. Как скажешь, так и сделаю.

Пленник на коленях продолжал ныть:

– Не убивай, Мурад! Что хочешь проси. Хочешь, я сам кого-нибудь убью, только скажи!

Мурад не удержался и презрительно плюнул на склоненную голову должника.

– Вот мразь! У меня просит милосердия, а сам готов чужую жизнь отобрать! Зачем мне такое ничтожество? Если я захочу кого-то убить, то найду настоящего профессионала, а не кусок дерьма.

И вновь обернулся к Ставрогину:

– Ну, что скажешь?

Тот брезгливо поморщился:

– Действительно, мразь и ничтожество. Он не стоит того, чтобы его убивать. Я бы его немного поучил на будущее. Наказал и выгнал.

Мурад сразу загорелся этой идеей:

– Хорошая мысль! Вот и накажи его!

Николай Всеволодович немного смутился:

– Ну что ты, Мурад. Не царское это дело…

Но хозяин не отставал:

– Не хочешь сам руки пачкать? Тогда позови своего человека. Я скажу, чтобы его пропустили.

Ставрогин неохотно достал мобильник.

– Зайди, – коротко распорядился он.

Через секунду в сопровождении одного из людей Мурада, то ли Вахо, то ли Михо, в зал вошел блондин лет сорока, среднего роста, худощавый. Он не производил впечатления богатыря, но мощная шея и толщина запястий говорили о недюжинной силе.

Мурад отметил его жесткий тонкогубый рот и холодные, почти прозрачные глаза. Глаза убийцы. Не человек – робот.

– Это твой телохранитель? – с плохо скрытым восторгом в голосе спросил Мурад.

Ставрогин утвердительно кивнул:

– Да, телохранитель, он же шофер, а также начальник моей службы безопасности.

Он указал блондину на вялую жертву:

– Алексей, пожалуйста, ударь этого человека в лицо один раз, но сильно. Впрочем, челюсть ломать необязательно.

Блондин, не задавая дополнительных вопросов, шагнул к дрожащему должнику и коротко, без замаха, припечатал свой кулак к его носу. Послышался хруст, пленник вскрикнул и повис на руках охранников. На его рубашку из сломанного носа обильным потоком хлынула кровь.

– Спасибо, Алексей, – сказал Николай Всеволодович. – Жди меня в машине, я скоро буду.

В дверях блондин остановился и обернулся к Мураду:

– Пушку верните.

Хозяин кивнул охраннику, и тот протянул блондину изъятый у него при входе пистолет. Мурад успел разглядеть ствол. Одобрил:

– «Глок» – хорошая машинка. У моих ребят такие же.

Когда блондин скрылся за дверью, Мурад еще некоторое время оценивающе смотрел ему вслед, потом восхищенно поцокал языком:

– Вах-вах! Хорошего специалиста сразу видно! Где таких берешь?

Ставрогин усмехнулся:

– В серьезных организациях, которые не любят платить денег своим сотрудникам.

– Он у тебя неразговорчивый, – заметил Мурад.

– Это он чужих стесняется, – с усмешкой пояснил Николай Всеволодович. Чтобы немного польстить хозяину, он решил похвалить и его охранников: – Твои джигиты тоже хоть куда.

Мурад расплылся в улыбке:

– Спортсмены, борцы. Вахо – мастер спорта международного класса. Не веришь? Вахо, покажи ему ксиву.

Вахо с самодовольным видом протянул гостю книжечку-удостоверение. Ставрогин раскрыл ее, заглянул, поцокал языком.

– Да, молодец, ничего не скажешь. Настоящий мастер!

Тут Мурад вспомнил о неплательщике. Того, бесчувственного, все еще поддерживали могучие руки охранника, иначе он свалился бы на пол. Кровь из разбитого носа продолжала орошать его рубашку и штаны.

– Что застыли? Ждете, пока он мне весь пол кровью зальет? – заорал на богатырей хозяин. Уберите эту падаль немедленно!

Тут пленник ожил, зашевелился и застонал. Неожиданно Мурад посмотрел на него с некоторым подобием сочувствия. Осторожно, чтобы не запачкаться, похлопал по щеке.

– Э, слишком сильно он тебя ударил, слишком жестоко. Но ничего, впредь наука будет. Повезло тебе. Когда я рыбок кормлю, я добрый. И гостю моему спасибо скажи. Он тоже добрый. Сейчас ты уйдешь, и чтобы я тебя больше никогда не видел! Понял?

И обратился к стражникам:

– Отведите его в медпункт, пусть остановят кровь. Нельзя же его с такой разбитой рожей выгонять. Люди скажут – Мурад совсем зверь-дикобраз, честное слово!

Михо и Вахо развернулись и поволокли бесчувственное тело к выходу. Тощий тип уже пришел в себя, но, не веря своему счастью, предпочитал прикидываться мертвым.

Мурад деликатно взял Ставрогина под локоть и сделал приглашающий жест.

– А мы с тобой спустимся в бильярдную. Она у меня этажом ниже.

Николай Всеволодович промямлил что-то типа «посошок», «мне пора», но хозяин увлек его к лифту.

– Там и посошок примешь. Посмотришь мою бильярдную. Ты же ее еще не видел?

Они спустились на лифте. Бильярдная оказалась большим просторным подвалом с низким сводчатым потолком. В центре стояли два бильярдных стола красного дерева под зеленым сукном. Один привычный, с лузами, другой без таковых, для карамболя. Николаю Всеволодовичу показалось, что поставлены они тут скорее для мебели, чем для игры.

Здесь тоже был аквариум. Огромный, просто гигантский, он занимал всю стену от пола до потолка. Ставрогин разглядел в нем небольших рыб, издалека похожих на сильно раз-

дутую крупную воблу. Скорее даже на опухших лещей. Аквариум мерцал интимным сине-зеленым светом, остальное помещение было погружено в полумрак.

– Говоришь, ты в детстве любил рыбок кормить? – переспросил Мурад. – А сейчас не хочешь попробовать?

Вместо ответа Ставрогин неопределенно буркнул:

– Темно тут.

– Вон на ту клавишу нажми, – предложил хозяин.

Ставрогин протянул руку и нажал на белый квадрат выключателя. Но светлее не стало. Вместо этого где-то вверху аквариума-стены что-то громко щелкнуло. Ставрогину было видно, как над аквариумом раскрылись створки. Раздался крик, всплеск и в воду свалился человек. Приглядевшись, Ставрогин узнал в нем злостного должника-неплательщика.

Николай Всеволодович догадался, что, нажав клавишу, своей собственной рукой привел в действие механизм люка и искупал пленника. Оказалось, не просто искупал.

Кровь, которая продолжала течь из разбитого носа тощего, мгновенно окрасила воду вокруг его головы и стала клубами расплываться дальше. Обитавшие в аквариуме рыбки поначалу никак не прореагировали на вторжение чужака, но уже через секунду вдруг все разом рванулись к нему. Вокруг его головы образовался и закрутился кипящий шар. У опухших лещей оказались чрезвычайно большие и острые зубы. Ими они буквально на глазах принялись сноровисто обгрызать несчастную жертву.

Только тут Николай Всеволодович догадался, что это были за рыбки.

– Пираньи?!

– Они, – усмехнулся Мурад.

Он задумчиво и неподвижно следил за происходящим. Будто наблюдал священнодействие.

Ставрогин, не выдержав отвратительного кошмара, отвернулся. Когда он заставил себя вновь взглянуть на аквариум, от несчастного остались одни кости и детали одежды на песчаном дне. Отдельные настырные рыбешки продолжали теребить останки с завидным аппетитом. Ставрогин вспомнил, как сам, под пивко, обгладывал ребрышки воблы, леща или рыбца, и его едва не вырвало.

Он снова посмотрел на Мурада. Тот продолжал созерцать жуткую картину. В глазах его застыло странное умиротворение и почти детская радость.

– Какие глисты? Где ты их видишь? Не было у него никаких глистов, – удовлетворенно заключил он.

Постояв еще немного, он как ни в чем не бывало обратился к гостю:

– Так о чем мы говорили? Ах да, о рыбках… Да, вот только они и помогают по-настоящему расслабиться. Покормишь, понаблюдаешь… Знаешь, я часами могу за ними наблюдать. Успокаивает.

«Сколько же тебе, людоеду, нужно народу угробить, чтобы часами так расслабляться?» – подумал Ставрогин, но вслух невнятно пробормотал:

– Да… покормили рыбок… А ведь ты, кажется, говорил, что не любишь хищников.

Мурад всплеснул руками:

– Вах! Где ты видишь хищников? Разве это хищники? Это санитары. Они просто падаль подъедают. Разве нет? – И без всякого перехода вдруг сменил шутовской тон на деловой: – Так когда нужно деньги подогнать? Спрашиваю заранее, потому что сумма большая, сразу не соберешь.

– А?.. – Ставрогин ответил не сразу, сначала собрался с мыслями: – Аванс понадобится через месяц. Остальная сумма немного позже.

Мурад похлопал его по крупному плечу.

– Хорошо, через месяц деньги будут. Куда тебе их перевести?

Николай Всеволодович замялся:

– Лучше бы наличными…

Мурад расхохотался:

– Вах! Совсем как в проклятое старое время! Но – как скажешь. Наличными так наличными.

* * *

Николай Всеволодович покинул гостеприимный дворец в состоянии, близком к панике. Он прошел к своему «шестисотому». Авто прямо-таки дышало роскошью. Расцветка – как у рояля – черная и блестящая. Детали корпуса, которые у нормальных «Мерседесов» обычно сверкают серебристым хромом, здесь сияли червонным золотом. Номера были увенчаны не просто триколором, а президентским штандартом.

Двигатель машины едва слышно работал, под решеткой радиатора елочной гирляндой перемигивались стробоскопы. Ставрогин упал в мягкие подушки сиденья, и в тот же миг автомобиль мягко сорвался с места и покатил по дороге от особняка к воротам.

Водитель – тот самый блондин с глазами убийцы – время от времени бросал на Ставрогина взгляды через зеркало заднего обзора. Тот заметил, буркнул недовольно:

– Что косяка давишь? Погано смотрюсь?

– Смотря с кем сравнивать. Если с Лениным из Мавзолея, то вы проиграете, – отозвался водитель. – Тот поживее будет. А так цвет лица нормальный – светло-зеленый. У нас что, проблемы?

Ставрогин задумчиво пожевал губами:

– Пока нет, но скоро появятся. Знаешь, что Мурад сделал с твоим крестником, которому ты рыло свернул? Скормил пираньям. И я сильно подозреваю, что вся эта жуть была устроена специально для меня. Показать, что он шутить не собирается. И из-за своих бабок любого прикончит. В том числе и меня.

– А может, это была инсценировка? – предположил блондин. – Приодел бомжа, с понтом – это бизнесмен.

Ставрогин покрутил головой:

– Нет, абсолютно исключено. Дело в том, что я его знаю… Вернее – знал. Парень не из простых, со связями. Не то сынок, не то хахаль чей-то. Постоянно крутился в казино, а в последнее время куда-то пропал. Теперь понятно – куда. С Мурада за него наверняка спросят. Но ему на это плевать.

Водитель задумался:

– А если взять и просто тупо стукануть на него ментам?

Ставрогин усмехнулся, но как-то невесело.

– Ага. Можно. В виде чистосердечного признания. Ты же последний, кто бил его при жизни. Собственноручно морду расквасил, а я, так же собственноручно, на кнопочку нажал. И будь уверен, все наверняка заснято. Мурад теперь мой отпечаток пальца на клавише будет беречь как свой последний миллиард.

– Может, вообще с ним не связываться? – предложил водитель.

Ставрогин только в затылке заскреб от тоски.

– Наверно, ты прав, только где же еще столько бабок наскребешь? Сейчас не девяностые, время шальных денег прошло. А без денег Мурада выходить против Вишневского бессмысленно.

На выезде из парка их ждал неприятный сюрприз. За поворотом из тумана и мороси неожиданно выскочила какая-то баба. Да не одна, а с ребенком, подростком, которого тащила за руку. Даже взглянув мельком, Ставрогин отметил непропорционально вытянутую голову

подростка. Похоже, таким рискованным способом баба пыталась поймать такси. Водителю с трудом удалось справиться с ситуацией. Чтобы не сбить пешеходов, он вырулил на полосу встречного движения.

– Куда ж ты, дура, под колеса-то лезешь?! Машина ведь не трахает, а давит… – привычно скороговоркой пробормотал Ставрогин и грязно выругался.

Прямо навстречу им, лоб в лоб, летел «Шевроле Блейзер». Его водитель смотрел куда угодно, только не прямо перед собой. Он трепался по мобильнику и целиком ушел в это занятие. В последний момент он все же заметил опасность. Водителем он, видно, был неплохим. Под скрежет тормозов и визг резины по асфальту машины замерли буквально в миллиметре друг от друга.

Столкновения машин не произошло, однако столкновение водителей казалось неизбежным.

Хлопнула водительская дверь джипа, и из него выскочил здоровяк. На нем был темный деловой костюм. Вместо галстука из-под расстегнутого воротника рубашки виднелся уголок голубой тельняшки десантника.

Блондин, сжав и без того узкие губы, полез навстречу. Разница в весовой категории была столь очевидной, что здоровяк в тельняшке забросил обратно в салон бейсбольную биту, которую потащил было с собой для разборки. Он был выше на голову и в полтора раза шире в плечах.

С нечленораздельным рычанием здоровяк выбросил вперед волосатый кулак размером с литровую пивную кружку. Блондин уклонился от пушечного удара и ребром подошвы ударил противника сзади под колено. А когда тот стал заваливаться набок, добавил ему ребром ладони по бычьей шее. Здоровяк мешком рухнул на асфальт. Блондин обошел вокруг поверженной туши и приготовился всласть окучить беспомощного врага серией пинков с оттяжкой. Но праздник не состоялся: Ставрогин высунулся из салона и крикнул:

– Хватит, не трать времени!

Блондин попытался возразить:

– Шеф, но ведь это же урод! Убивать таких надо! Права отбирать и почки опускать. Он же опасен для окружающих. Вы мой принцип знаете – дураков учить, уродов лечить.

Но Ставрогин был непреклонен:

– Оставь его, сейчас некогда. Да еще при свидетелях.

Виновники события – женщина и подросток – стояли тут же, неподалеку, и, казалось, с интересом наблюдали за происходящим.

– Эти, что ли, свидетели? – презрительно бросил блондин. – Пускай смотрят, я его и при народе…

Ставрогин рявкнул:

– Я же сказал – позже разберешься! Садись в машину, поехали! Номер его записал?

– Запомнил, – капризно буркнул блондин, но послушно выполнил приказание шефа.

Тон Ставрогина смягчился:

– А не забудешь?

– Обижаете. Память профессионала.

– Тогда кого ждем? Гони!

С легким шелестом шин шикарный «Мерседес» Ставрогина унесся с места происшествия. Женщина с подростком долго смотрели ему вслед, потом переключили внимание на поверженного здоровяка. Тот уже поднялся и, ругаясь и потирая шею, полез в свой джип.

Бывший десантник, а теперь бизнесмен средней руки Валентин Смирнов был слегка обескуражен. Он никак не ожидал, что потерпит поражение от какого-то замухрышки, да еще столь стремительное и сокрушительное. Повезло – на каратиста, блин, нарвался! Виноватым в создании аварийной ситуации он себя не считал. Ну, подумаешь, отвлекся! А за

каким хреном тот на встречную полосу выскочил? Убивать надо таких каратистов! Галошей по всей морде.

Валентин сел на водительское место и подобрал оброненный на сиденье мобильный телефон. Нажал кнопку памяти.

– Алло, рыба?.. Нас прервали… Нет, так, пустяки.

Рыбой, рыбкой или рыбонькой, в зависимости от настроения и ситуации, Смирнов называл и жену, и любовницу, а заодно и всех своих подружек. Чтобы случайно не перепутать и не обмолвиться. Сейчас он звонил жене:

– Рыба, золотко, я сегодня припозднюсь. Через час у меня встреча с покупателем…

Бесконечное подорожание бензина поставило Валентина перед печальной необходимостью. Его крутой джип жрал бензин, как свинья – помои. Он твердо решил продать его и уже присмотрел в автосалоне машину поэкономичнее.

Жена решение одобрила, поскольку джип считала чем-то вроде маленького трактора или самосвала и мечтала о более элегантном авто. Но ее беспокоила сама процедура продажи. По телевизору постоянно показывали ужасные истории, в которых мошенники-покупатели убивали доверчивых автовладельцев. Хотя, по правде сказать, тут обе стороны рисковали одинаково.

Сейчас в ответ на наставления и предостережения жены Смирнов только поморщился:

– О чем ты, рыба? Не волнуйся, покупатель солидный мужик, приятель моего старого кореша. К тому же, если ты не забыла, я когда-то служил в «Войсках Дяди Васи»…

«Дядей Васей» Валентин называл бывшего командующего воздушно-десантными войсками генерала армии Маргелова. Валентин любил вспоминать те два года жизни, которые отдал этим славным войскам. Но это было давно, о чем жена ему и напомнила.

Он вынужден был нехотя согласиться:

– Ну да, двадцать лет назад. И что с того? Я и сейчас в прекрасной форме…

Сказал и задумался. Вообще-то жена была права. В последнее время физическую форму он поддерживал двумя способами – в основном сауной и реже теннисом. Откровенно говоря, неважная у него форма. И стычка с треклятым блондином-каратистом это наглядно подтвердила. В общем, подстраховаться не помешает. Хотя бы просто жену успокоить.

Смирнов сдался.

– Хорошо. Если вдруг что случиться, тьфу-тьфу, – он поплевал через левое плечо, – позвони в милицию… Не просто в милицию, а полковнику Гурову, Льву Ивановичу. Запиши номер… Нет, он не на Петровке, а на Житной, в министерстве… Рыба, он не протирает штаны. Представь себе, в природе существуют такие полковники, которые сами раскрывают преступления. И он среди них лучший… А если его не будет на месте, спросишь полковника Крячко, Станислава… м-м-м… отчество не помню. Сама узнаешь… Нет, он не хуже. Ну, почти не хуже… Рыба, ты задаешь слишком много вопросов, мне сейчас не до этого. Как освобожусь, сразу же позвоню.

Валентин убрал мобильник. До встречи с покупателем оставалась масса времени.

Его внимание привлекла странная парочка. Женщина неопределенного возраста, неприметной внешности, с оплывшей фигурой, голосовала, подняв руку. Другой она держала за руку подростка с непропорционально вытянутой головой, видимо, сына.

Редкие машины со свистом и шорохом проносились мимо. Смирнову стало жалко эту убогую парочку, и он махнул женщине рукой. Она поняла и засеменила, неуклюже переваливаясь с грацией гусыни. Подросток болтался сзади, как баржа на буксире.

Вблизи женщина оказалась еще более неприятной, чем издалека. Неуместный избыток косметики делал ее лицо похожим на маску клоуна. На лице ее сына блуждала рассеянная улыбка. Точно, клоуны из погорелого цирка.

– Отвезите нас, очень прошу! – затараторила женщина. – Здесь недалеко. Буквально рядом. Вы не думайте, я заплачу́!..

Смирнов подумал, что отвез бы их и даром, но раз дама готова платить… Да и овес нынче дорог…

– Садитесь, – пригласил он.

Женщина подтолкнула сына вперед. Мальчуган был всецело увлечен непростым занятием – ковырял в носу. Найденное он старательно перекладывал в рот. При этом его раскачивало из стороны в сторону, как вареную сосиску, если держать ее вертикально за нижний конец. Судя по всему, у парня были серьезные проблемы с координацией и вестибулярным аппаратом, поэтому попадать пальцем в нос и одновременно сохранять вертикальное положение ему было нелегко. Женщине пришлось подтолкнуть его еще раз.

– Не ешь козявки, – она сопроводила материнское напутствие увесистым подзатыльником.

Подросток послушно кивнул, вытер палец о стекло двери и полез на заднее сиденье. Заботливая мамаша последовала за ним. Дверь захлопнулась.

– Ну, поехали! – махнул рукой Валентин.

Джип сорвался с места и скрылся за сеткой дождя.

Можно предполагать, что эти двое – женщина и ее сын – были последними, кто видел Валентина Смирнова живым. Впрочем, мертвым его тоже никто не видел.

Валентин Смирнов исчез вместе со своей машиной. Наутро его жена, не сомкнувшая за ночь глаз, позвонила по оставленному мужем телефону полковнику Гурову.

Месяц спустя

Пятница

Погожим майским вечером полковник милиции Станислав Крячко подъехал к своему дому. За десяток метров до поворота во двор он чуть не сбил женщину. Выглядела она непривлекательно. Неопределенного возраста, с оплывшей бесформенной фигурой. За руку женщина держала нескладного подростка с непропорционально большой головой, видимо, сына.

Женщина ловила такси. При этом голосовала она не с тротуара, как делают все нормальные люди, а вылезла прямо на проезжую часть. Подросток за ее спиной пошатывался из стороны в сторону, как маятник Фуко, если смотреть на него вверх ногами. Когда Станислав подъезжал, мальчугана в очередной раз качнуло, и он едва не выпихнул мамашу прямо под колеса.

Крячко перед поворотом сбросил скорость, поэтому успел затормозить. Женщина, казалось, даже не заметила, что была на волосок от тяжких телесных повреждений. Она просунула голову в окно правой передней двери и забормотала:

– Отвезите нас, пожалуйста! Здесь недалеко. Буквально рядом. Очень прошу! Вы не думайте, я заплачу́!..

Крячко непроизвольно поморщился. Избыток неаккуратно наложенной косметики делал женщину похожей на клоуна. Страшноватого клоуна.

Станислав отрицательно покачал головой:

– Не могу. Бензин кончился. Хорошо бы хватило до дому доехать.

Он наврал, бензина у него было – хоть залейся. Только недавно заправился. А чего не было и никогда не бывало – так это желания заниматься частным извозом. Да и сил тоже не оставалось.

До дому Станислав доехал на последнем дыхании. Точнее – на последнем издыхании. Весь этот месяц обернулся для него сущей каторгой. А последние две ночи спать и вовсе практически не пришлось, и теперь он думал об одном – как бы поскорее рухнуть в постель. Чтобы наутро – снова в бой.

Полковник Крячко, а также его друг и начальник полковник Гуров весь последний месяц занимались на редкость запутанным делом – исчезновением людей. Вообще-то только в нашей столице в среднем за год пропадает около двух тысяч человек. Большинство из них находятся сами. Других находят. Многие из пропавших становятся жертвами преступлений или несчастных случаев. Но в данном случае сыщиков интересовали не они.

Все началось с того, что к полковнику Гурову обратилась за помощью жена его знакомого бизнесмена Валентина Смирнова. Она сказала, что ее муж уехал на машине и не вернулся. Она знала, что муж собирается продать машину и в тот вечер отправился на встречу с покупателем.

Гуров пропавшего бизнесмена Смирнова едва вспомнил – шапочное знакомство, не более. Но за дело взялся со всей серьезностью. И подключил Станислава. Первым делом они задержали и допросили человека, который собирался купить у Смирнова его джип. Тот клялся и божился, что безуспешно прождал Валентина на условленном месте встречи, но тот так и не приехал. Подозреваемого, разумеется, отправили в камеру, подсадили к нему своего человечка, а тем временем проверили его связи. И все впустую. К тому же у подозреваемого нашлось алиби. Продавцы трех киосков видели, как тот торчал на площади у фонтана битых два часа.

Полковники Гуров и Крячко отпахали в розыске больше четверти века, оба обладали хорошо развитой интуицией.

– Пустышку тянем, мартышкин труд, – подвел неутешительный итог Гуров.

Как профессионалы, сыщики с самого начала не собирались зацикливаться на одной версии, какой бы убедительной и соблазнительной она ни показалась. Они подняли похожие материалы по региону. Результат получился обескураживающим и пугающим. При аналогичных обстоятельствах за один только год в Москве и ближнем Подмосковье бесследно пропало более двух десятков человек. Причем это были не бомжи, не алкоголики, не одинокие пенсионеры и не юные наркоманы.

Пропавших вообще нельзя было отнести к привычным группам риска. Все они были людьми вполне приличными, чаще семейными и более или менее обеспеченными. Главное же, что их объединяло, – все они имели машины. И пропадали всегда вместе со своим автотранспортом. Уехал человек на работу или еще куда-то, и как в той песне – ни машин, ни людей.

У сыщиков ни на секунду не возникло сомнения, что они имеют дело с криминалом. Версия с участием инопланетян не рассматривалась. Наиболее вероятным представлялось убийство с целью похищения автомобиля. Настораживало то, что машины были самыми разными: дорогими и дешевыми, новыми и старыми, импортными и отечественными. Правда, особо дорогих и шикарных среди них не попадалось.

Станислав выдвинул параллельную версию – машины понадобились для совершения других преступлений. Гурову версия понравилась, и они принялись изучать статистику крупных ограблений за последний год. Статистику приходилось проверять и перепроверять. В результате по прошествии месяца оба полковника здорово смахивали на пару загнанных рысаков. А ведь, помимо этого, у них в производстве находились и другие дела.

А тут: на тебе – подвезите!

Полковник Крячко и предположить не мог, что видит перед собой людей, способных пролить свет на предмет его поисков. Поэтому не испытал ничего, кроме сильного раздражения.

«Да она хоть видит, кого тормозит? – подумал полковник. – Он же не на кривой козе рулит и не на «Жигулях», а на «Мерседесе»! Похож он на калымщика? Совсем баба в машинах не разбирается».

Зато старушки-соседки, что сидели поблизости на скамейке, хорошо разбирались в машинах и ценах на них. Они проводили «Мерседес» полковника неодобрительными взглядами. Прямо-таки с осуждением посмотрели.

– Жулик, – категорически заявила одна. – А еще в милиции работает.

– Как есть оборотень коррумпированный, – поддержала ее соседка. – Они все там воруют. Виноватого выпустят, а невиновного посадют. Им лишь бы заплатили.

Старушки ошибались. Старший опер Крячко не был коррумпированным оборотнем, не сажал за деньги невинных и не выпускал виноватых. Просто так получилось. Долгое время у него вообще не было никакой машины. А потом привалило – одна за другой.

Первый «Мерседес» он приобрел, когда вместе с другом и начальником Львом Ивановичем Гуровым уходил с государевой службы на вольные хлеба, в коммерцию. Уходили они ненадолго, хотя думали, что навсегда. На заработанные в частном секторе деньги Станислав и смог купить подержанный «сто девяностый». Добычей Гурова в тот раз стали новенькая вазовская «семерка» и шикарная трехкомнатная квартира на Суворовском, ныне Никитском, бульваре в центре столицы. Это было давно – в конце прошлого века.

Позже им выпал случай поменять машины. После удачного завершения одного трудного и щекотливого дела американские коллеги из ФБР выразили обоим сыщикам свою бла-

годарность. В результате Гуров обзавелся «шестьсот пятым» «Пежо», а Станислав – солидным «трехсотым» «Мерседесом», которым страшно гордился.

Вот таким он был нестандартным: честный мент и – на «Мерседесе».

Крячко не любил возиться с гаражом и машину ставил во дворе рядом с домом. Была у них в глубине двора между глухой стеной магазина и забором детского сада импровизированная стоянка «для своих», мест на десять, со стороны совершенно незаметная. На ночь въезд на стоянку для верности перекрывали самодельным шлагбаумом.

И вот Станислав, как обычно, зарулил за угол магазина и в недоумении остановился. Соседнюю со стоянкой стену украшала надпись-граффити. На ней значилось: «Ляма, мы до тебя доберемся! Городские мстители».

Вовик Лямкин был соседом Станислава. Когда-то он служил в ГИБДД и в пьяном виде насмерть сбил девушку. Со службы его сразу же уволили, но под суд так и не отдали. Муки совести, анонимные звонки по телефону и вот такие угрозы, намалеванные на стенах, совсем доконали его. С тех пор Вовик окончательно спился. За руль он больше не садился, и его «Тойота» ржавела на стоянке рядом с тем местом, где Крячко ставил свой «Мерседес».

На самой стоянке Станислава ждал новый сюрприз. Место, где он обычно ставил свою машину, оказалось занятым. Автомобиль-захватчик был незнакомым. Тоже «Мерседес», как и у Крячко. Даже размеры и форма кузова были похожи. Впрочем, не совсем.

Непрошеный гость выглядел роскошным, наглым, хищным и, казалось, заявлял: «А не пошли бы вы все!..» Черный сверкающий лак корпуса сливался с чернотой тонированных стекол.

Крячко вылез из своей как-то вдруг сразу потускневшей машины и обошел вокруг незваного пришельца. Сыщика удивили автомобильные номера с триколором. И даже не с флажком, а с президентским штандартом.

«Странно, – подумал Крячко, – вроде бы такие номера давно отменили».

Напрашивалась альтернатива – либо законы писаны не для владельца роскошного «Мерседеса», либо он сам же их и пишет. Тоже, естественно, не для себя.

Крячко отметил еще одну особенность. Цифры и буквы на багажнике, фирменный знак и вообще все то, что у нормального «Мерседеса» серебристое, у этого отливало золотом. Роскошь на уровне директора рынка или цыганского барона.

«Занятная машинка, – отметил про себя Крячко. – И что же мы теперь будем с тобой делать?»

– Слышь, мужик, ты что тут вынюхиваешь? – услышал он вдруг откуда-то из-за спины.

Станислав не спеша обернулся. Позади него стоял невысокий блондин средних лет. Худощавый, но крепкий. Таких в народе обычно называют жилистыми. Блондин с явным пренебрежением перевел взгляд со Станислава на его железного коня, потом снова уставился на сыщика маленькими прозрачными глазками.

«Взгляд убийцы», – подумал Станислав.

Блондин скривил тонкий безгубый рот и сплюнул. Переспросил:

– Мужик, у тебя со слухом проблемы? Не тормози, я ведь к тебе обращаюсь.

Он определенно считал себя крутым. Возможно, он и был крутым. Станиславу, при его работе, приходилось обламывать таких не реже чем раз в неделю. Иногда и чаще. Это утомляло, и потому подобные самонадеянные субъекты чрезвычайно его раздражали. Но он старался сдерживаться.

– Мужики на зоне план дают, – доверительно сообщил сыщик. – А тебе что надо? Чего ты тут хвост распетушил?

Блондин на провокационную «петушиную» фразу не отреагировал. Значит, не урка. Может, он бандит, но зоны точно не нюхал. Он продолжал ощупывать Станислава холодными глазами. Смотрел, словно оценивал. Наконец ответил, не скрывая насмешки:

– Я хозяин этой тачки, вокруг которой ты круги нарезаешь. Имею законное опасение. Вдруг ты дверь поцарапаешь или зеркало отломаешь?

Крячко в ответ также пробежался по блондину оценивающим взглядом.

«Нет, – подумал полковник, – на хозяина блондинчик никак не тянет. Водила или охранник. Скорее всего, и то и другое в одном флаконе. Максимум – начальник службы безопасности. Козырная шестерка при большом начальнике. Возможно, из отставных вояк или гэбэшников. Правда, сейчас такие все чаще сами становились большими начальниками. Но не этот. Слишком нервный он какой-то, встревоженный. Налицо невроз исполнителя». Тут Станислав был уверен на все сто пятьдесят шесть процентов.

– Так что ты тут потерял? – снова поинтересовался у сыщика блондин и нахмурился.

Видимо, он хотел дать понять, что шутки кончились.

Станислав даже растерялся от такого нахальства.

– Вообще-то это мое место, – сообщил он.

Узкий, похожий на щель рот блондина презрительно искривился.

– Ты его купил или арендовал? Нет? Тогда свободен. Сегодня постоишь в другом месте. Давай двигай отсюда, и побыстрее. Направление указать?

Разумеется, место Станиславом было не куплено и не арендовано. Просто все свои знали, что оно его. Вместе со всеми он на шлагбаум скидывался и на гравий, которым площадку подсыпали. А чужие сюда вообще не заезжали. До сегодняшнего вечера. Какая же тут аренда?

Хамов Станислав не любил и хамство старался пресекать на корню. Он широко улыбнулся. Те, кто его хорошо знал, завидев эту специфическую улыбку, предпочитали отодвинуться подальше. В такие минуты он из добряка и весельчака, кем по натуре и являлся, превращался в помесь африканского буйвола и стенобитного тарана. Он сжал кулаки с такой силой, что пальцы хрустнули. К слову сказать, этими пальцами полковник без особого напряжения колол грецкие орехи.

Вероятно, блондин нутром почувствовал в невзрачном на вид увальне опасного противника и решил не рисковать. Он приоткрыл полу кожаного пиджака и как бы невзначай продемонстрировал Станиславу рукоятку пистолета, торчавшую из оперативной кобуры на поясе.

Крячко не удивился. Видал он бандюков и покруче. И знал главное: таких надо сразу бить на поражение. Рука сыщика рефлекторно рванулась под мышку, но блондин опередил. Станислав еще не успел дотянуться до своей кобуры, как в лицо ему уставился ствол.

«Глок семнадцатый». Тот самый «глок», который «Крепкий Орешек» Брюс Уиллис называл немецким фарфоровым пистолетом офигенной стоимости. На самом деле пистолет был не немецким, а австрийским, не фарфоровым, а пластиковым, и стоил дешевле металлического.

Все это Станислав отметил автоматически, не задумываясь. Подумал он совсем о другом. О том, что «глок» – не «макар» и не «тэтэшник». То, что это не переделанный газовый «ВВМ», он тоже определил сразу. И в нашей стране такой машинкой может размахивать либо очень крутой бандит, либо не менее крутой службист. И от этой альтернативы сейчас зависела его, Станислава, жизнь. Если этот парень из «конторы», то стрелять из-за пустяка, конечно, не станет. А бандиту это запросто – что стрельнуть, что высморкаться. Смотря как вожжа под хвост попадет.

Словно для того, чтобы развеять сомнения полковника, блондин свободной рукой небрежно извлек из внутреннего кармана удостоверение пухлой красной кожи с золотым тисненым гербом. Раскрыл и помахал. Станислав успел мельком прочитать слова «охрана» и «Государственной думы».

– Только не пытайся меня завалить, не советую, – предупредил сыщика блондин. – Документы на ствол у меня в полном порядке, а стреляю я наверняка лучше, чем вас в ментовке учат. Ты ведь мент, я правильно понял? Так вот, мент, не лезь в бутылку, а то, кроме пули, огребешь большие служебные неприятности. Оно тебе надо? Если все еще сомневаешься, перестань дергаться, и я разрешу тебе рассмотреть мою ксиву. Из собственных рук, разумеется.

Последнее заявление несколько смутило Станислава. Мочить преступников – дело привычное, а вот государственных служащих из сферы обслуживания высших эшелонов власти – совсем другое. Подумав, он решил согласиться на условия противника. Сыщик застегнул куртку, продемонстрировал пустые руки и подошел ближе к блондину. Тот пистолет убирать не стал, но опустил дулом к земле. Он протянул навстречу Станиславу раскрытое удостоверение и предоставил возможность исследовать его невооруженным глазом.

За свою долгую жизнь оперативника Крячко навидался всяких удостоверений. Фальшивку он определял, не прибегая к экспертизе. Это удостоверение, без сомнения, было настоящим. Процентов на девяносто девять. С половиной.

Крячко запомнил имя и фамилию нахала. Звали его Алексеем Литовченко.

– Ну что, убедился, что моя «крыша» покруче будет? – с нескрываемым торжеством в голосе поинтересовался блондин Литовченко.

Крячко медлил с ответом. Вообще ситуация получилась на редкость дурацкая. Два солидных мужика приличного возраста застыли, словно пацаны, изображающие ковбоев. Картина, достойная кисти живописца, уже начала привлекать внимание публики. Шедшая мимо женщина остановилась поглядеть – чем все кончится. Краем глаза Крячко определил – та самая, которая чуть не попала ему под колеса. За руку она держала своего сына-подростка с непропорционально большой удлиненной головой. Свободной рукой, точнее, ее указательным пальцем, подросток старательно работал в носу. Палец при этом утопал в ноздре по второй сустав.

– Не ешь козявки! – бросила ему женщина мимоходом.

Она целиком была поглощена назревающей схваткой титанов. Но так и не дождалась. Блондин заметил неуверенность полковника и счел инцидент исчерпанным. Он захлопнул свое удостоверение, убрал его в карман, пистолет ткнул в кобуру и небрежной походкой победителя покинул поле несостоявшегося боя.

На прощание бросил:

– Я надеюсь, ты мне колеса не проткнешь и лак гвоздем не поцарапаешь?

Словно в морду плюнул.

Крячко проводил его гневным взглядом, потом перевел его на женщину с уродцем и сразу же смягчился. На лице у женщины было написано сильное разочарование. Мальчик, похоже, тоже расстроился. Что ж, понять их было можно. Люди они, судя по всему, небогатые. На кино и планетарий денег нет, по телевизору одну дрянь показывают. Короче, развлечений маловато, а тут бесплатный цирк наметился. И сорвалось. Станиславу даже стыдно стало за то, что он уже во второй раз не оправдал их ожиданий.

Обида на нахального блондина не то чтобы душила его, но раздражала как легкое пощипывание в носу. Чтобы разобраться в ситуации, Крячко прибег к испытанному способу. Он представил, как бы себя повел в такой ситуации и что сказал бы гений сыска Лев Иванович Гуров.

Гуров был на четыре года старше Станислава. Когда-то он был старше по званию и должности, но, когда выслужил «потолок», а из оперов в начальники уходить не пожелал, Крячко его догнал. Теперь оба были полковниками и старшими операми-важняками, но Гуров по-прежнему продолжал оставаться лидером в их тандеме.

В первые годы их сотрудничества Станислава это лидерство раздражало, но потом он привык. Пару раз Гуров нарочно уступал другу бразды правления, и тот в итоге понял, что быть ведущим не для него. Напротив, в роли ведомого Крячко был незаменим. Его отличала стопроцентная надежность, полное взаимопонимание и «чувство локтя».

Поэтому, привыкнув к лидерству друга, Станислав в затруднительных ситуациях мысленно ставил себя на его место и словно бы следил со стороны, как тот себя поведет. Это не раз помогало ему принять верное решение. Вот, например, сейчас.

«А что сказал бы гений сыска Лева Гуров? – размышлял Крячко. – А сказал бы он просто и мудро: «Кто первый встал, того и тапочки». И непременно добавил бы: «И не надо размазывать манную кашу по тарелке. Померла так померла».

Испытанный прием сразу успокоил. Пропало желание бить морды и протыкать шины. Да и что, собственно, случилось? Подумаешь, место заняли! Станислав расслабился. Ему захотелось сделать что-нибудь доброе. Или хотя бы сказать.

– Да чтоб ты сгорел! Синим пламенем! – четко и внятно произнес сыщик, плюнул вслед ушедшему нахалу и сел в свою машину.

Он медленно поехал вокруг дома искать свободный пятачок, куда можно было бы приткнуть своего железного друга. Отъезжая, в зеркало заднего вида он видел унылую пару. Женщина неопределенного возраста и подросток с непропорционально удлиненной головой провожали его отъезд строгими печальными глазами. Они не уходили. От огорчения мальчик даже в носу ковырять перестал.

«Странные люди, – подумал Крячко. – То под машину бросаются от нетерпения – «Отвези скорее!», то стоят как памятники, будто уже никуда и не торопятся».

Подумал и тут же про них забыл.

Место для стоянки Станислав нашел с трудом и не сразу. Но все же ему удалось втиснуть свое сокровище неподалеку от подъезда.

Дома он едва нашел в себе силы принять душ и тут же рухнул в постель. Жена зашла в комнату, чтобы позвать его к ужину, и только привычно вздохнула.

* * *

Ночью Станислава разбудил грохот и сполохи за окном. Он проснулся и покрутил головой.

– Пожар, что ли?

Жена, не открывая глаз, тоже приподняла голову над подушкой и внесла ясность:

– Нет, похоже, гроза. Спи.

Станислав не стал возражать, отвернулся к стене и снова заснул сном младенца.

* * *

Но не все в эту ночь спали. Для страдающих бессонницей существовали разные злачные заведения – такие, как ночной клуб «Спрут». Он сверкал в ночи огнями и манил в свои щупальца любителей азарта, развлечений и морской кухни. «Спрут» считался в столице элитным ночным клубом. Накануне Ставрогин дал себе слово не играть и заехал в клуб просто поужинать. Диетолог запретил ему есть жирное, особенно на ночь, и назначил диету из морепродуктов. А надо заметить, устрицы в «Спруте» всегда были свежими и нежирными. Вот он и заглянул в ресторан. Но тут же вышел вон. За угловым столиком Николай Всеволодович заметил человека, встречаться с которым не входило в его планы. По крайней мере, сейчас. Это был господин Вишневский.

За вечно унылое выражение сухого личика Никита Леонидович Вишневский получил кличку Маленький Будда. Манерами и поведением он напоминал покойного красного инквизитора Суслова, только галош не носил. Пост в чиновной иерархии господин Вишневский занимал вроде бы и небольшой. Но без его ведома невозможно было продать или сдать в аренду ни одного квадратного вершка драгоценной столичной земли.

Вишневский слыл железным человеком. Ни любви, ни привязанностей, только работа. Единственным слабым местом был сын его сестры, Ростислав, которого все звали просто Ростиком. Вроде не дурак, и не сказать, что отморозок. Но за что бы Ростик ни брался, все доводил до полного развала. И давно бы сидел, кабы не дядя.

Сейчас Ростик под руководством господина Вишневского претворял в жизнь очередной проект века «Народная крыша». По всему городу во дворах, на местах чахлых скверików, детских и спортивных площадок возводились многоэтажные гаражи. Но автовладельцы не торопились расхватывать гаражные места, цена которых варьировалась от тридцати до пятидесяти тысяч условных денежных единиц. Это если на окраине, в центре еще дороже.

Ростик пожаловался на упрямцев дяде, и тот начал массовую кампанию по сносу старых гаражей и «ракушек», уродующих прекрасное лицо города. Но автовладельцы упрямо держались старины и в новые гаражи не шли.

Впрочем, никакие профессиональные неудачи не могли лишить Ростика аппетита. Он с хрустом взламывал панцирь омара и запивал нежное белое мясо пивом и водкой. Белое вино Ростик презирал, а про шампанское говорил: «Я от него бздю».

Сам господин Вишневский меланхолично тыкал вилкой в салат из водорослей. Фужер минеральной воды без газа – иных напитков он себе не позволял – стоял нетронутым.

– Так что с нашим гаражным проектом? – строго спросил племянника господин Вишневский. – Люди вложили деньги и ждут отдачи. А ее нет и, похоже, не предвидится. У тебя нет какой-нибудь подходящей креативной идеи?

Ростик сделал большой глоток пива и громко икнул.

– Ик! Не волнуйся, дядь Никита, все будет в ажуре. С креативными идеями у нас все на мази.

– Неужели ты сам до чего-то полезного додумался? Не верю! – В голосе Вишневского прозвучало сомнение.

Племянник скромно потупился:

– Ну, сам, не сам… Короче, нашлись добрые люди, подсказали. Я уже и пацанов подтянул. Приступили к операции «Огнем и мячом».

Вишневский не то чтобы испугался, но встревожился. Известно, что дурак – это только полбеды. Беда, когда дурак с инициативой.

– Каких еще пацанов, каким огнем, каким мечом?!

– Не мечом, а мячом. Мячиком. А пацаны наши, урюпинские, из бригады Демьяна… Ты их должен помнить… Короче, к осени всех козлов в наши гаражи загоним.

Дядя, как и его племянник, был родом из Урюпинска. Он почему-то раздражался, когда ему об этом напоминали. Вот и сейчас господин Вишневский бросил вилку и смял салфетку.

– Смотри, чтобы никакого криминала! Эти времена давно прошли! Максимум, что вы можете себе позволить, – пару мелких административных правонарушений. Мячиком стекла побить, колеса проткнуть можно. Но не более того! Кстати, твой Демьян с его дебилами мне понадобятся для одного небольшого дела. Условия те же. Попадутся – ты с ними незнаком. Они с тобой, разумеется, тоже. Обо мне они вообще знать не должны. Даже догадываться о моем существовании. Малейший прокол, и ты едешь в Урюпинск к маме. Ты понял?

Ростик кивнул молча, так как рот его был занят. Настроение у него немного испортилось, но жевательные мышцы продолжали упорно и напряженно работать.

* * *

В то же самое время в соседнем зале шла большая игра. И Николай Всеволодович Ставрогин был ее активным участником. Он снова сорвался. А что поделаешь? Что наша жизнь? Игра! Ну, любит он это дело! Жить без игры не может. В конце концов, не он один, все такие. Пушкин, Некрасов, Достоевский. Белинский опять же. Не охламоны какие-нибудь, раз их в школе проходят.

Николай Всеволодович играл в блек-джек и уже успел просадить приличную сумму. Не отрываясь от игры, он вел оживленную дискуссию с крупье.

– Нет, не согласен. Покер – игра несложная, – вещал Ставрогин. – При желании прилично играть в него может научиться любой дурак. Бридж куда сложнее. А самое трудное – ни за что не угадаешь – подкидной дурак. Вот где высший пилотаж! Чтобы профессионально выигрывать в подкидного дурака, надо иметь не просто голову, а компьютер. Я знал одного мастера…

Николай Всеволодович не успел продолжить свой рассказ. Его речь прервал звук мобильного телефона. Он неохотно достал трубку и вместо «алло» привычно, как это делают начальники, представился:

– Ставрогин.

Абонент на другом конце линии отозвался столь же лаконично:

– Это Литовченко.

– Да, слушаю тебя, Алексей, – нетерпеливо и несколько раздраженно поторопил собеседника Николай Всеволодович.

Собеседник с трудом подыскивал слова. Он выдавливал их, как Чехов раба, – по капле.

– Ваша машина… – проговорил он наконец после некоторой паузы.

– Что? Что с машиной? – переспросил Ставрогин.

Собеседник ответил не сразу:

– Она сгорела…

Господин Ставрогин молча убрал трубку в карман смокинга, лицо его приняло каменное выражение. К игре он больше не возвращался. Выпил залпом большой фужер коньяка и спустя пять минут покинул клуб.

* * *

В ночь на субботу Ванька Жуков не ложился спать. Он торчал в Интернете. Собственно, Ванькой его давно никто не называл. Да и Иваном тоже нечасто. В народе он был известен под «ником», или кличкой, Факел. Недоброжелатели утверждали, что от английского слова «фак». Но это, конечно, от злобы и зависти. Сайт Жукова «Городские мстители» с каждым днем собирал все больше посетителей и единомышленников.

На первом этапе деятельности Жуков и его соратники собирали и публиковали информацию. Компру. Они отыскивали факты вопиющей несправедливости, произвола или преступной халатности сильных мира сего. Чаще всего это касалось дорожно-транспортных происшествий, когда представители элиты в пьяном виде почем зря давили простых смертных. Находились и другие уголовно наказуемые грехи.

Не брезговал Жуков и «желтыми помоями». На его сайте всегда можно было найти информацию о том, кто из власть имущих, с кем, в какой бане и в каких позах изменял супружескому долгу.

На следующей страничке – «Собственность» – можно было ознакомиться с особняками, яхтами, машинами и прочим имуществом, которым владели народные слуги и их служащие.

Одним словом, информация на сайте была разная и довольно интересная. Но с этой информацией надо было что-то делать. Ни прокуратура, ни серьезная пресса на нее никак не реагировали. И вот в ночь на субботу Факел оповестил своих сторонников о начале нового этапа борьбы. Он назвал его переходом от пропаганды к действию. Жуков не стал мудрить и нарек новый этап «Акцией». И сейчас через сеть он оповестил мир, что в эту ночь «Акция» началась. И первой ее целью должен был стать бывший гибэдэдэшник Лямкин.

С Лямкиным у Ивана Жукова были личные счеты. Девушка, которую Лямкин сбил своей машиной, была подругой Ивана. Собственно, познакомились они случайно и довольно быстро расстались из-за разности интересов. Ему не нравился «Дом-2», она не разделяла его революционного мировоззрения. Жуков и вспомнил-то о ней, только прочитав в Интернете о происшествии. И тут же решил начать крестовый поход справедливого мщения.

И вот лавина тронулась. Оповестив об этом единомышленников, Жуков, из экономии, погасил экран и отправился на кухню, чтобы заварить очередную кружку растворимого кофе. За окном светало.

Суббота

Утром ни свет ни заря Станислава Крячко разбудил звонок телефона. Звонил сосед Вовик Лямкин. С утра пораньше он решил навестить свою «Тойоту» на укромной стоянке, но нашел там только груды обгорелого металла.

– Стас, ночью на нашей парковке все машины сгорели! – запричитал он. – Это я виноват. Из-за меня эти долбаные городские мстители, падлы, тачки спалили!

Крячко поспешно оделся и выбежал на улицу. Стоянка между магазином и детским садом представляла собой жуткое зрелище. Целым остался только приткнувшийся с краю старый «Москвич» Петровича, соседа сверху. На месте же остальных машин чернел обугленный металлолом корпусов. В самом центре стоянки, на месте Крячко, возвышался остов «Мерседеса».

Возле стоянки толпились зеваки и пострадавшие. Пожарные расхаживали с сочувствующим видом. Типа – если бы нас вызвали пораньше, то мы бы… А так – ничего не поделаешь.

Прибывшие милиционеры фотографировали пожарище и слегка подкоптившуюся надпись на стене. Угроза в адрес Лямкина была сейчас единственной реальной уликой. Единственной?

Среди толпы Крячко автоматически отметил знакомое лицо. Похоже – из бывших клиентов. Точно! Убийца и пироман Видинеев. Станислав задерживал его пару лет назад. Видинеева тогда признали невменяемым и отправили на принудительное лечение. Неужели вылечили? Быстро, однако! Наука просто чудеса творит.

Крячко уже направился в его сторону, но тут его как по голове стукнуло. Он тряхнул головой, прогоняя остатки сна. Да ведь это же не его «Мерседес»! Он вспомнил вчерашнего белобрысого нахала. Чуть ли не бегом Крячко обогнул дом и окончательно убедился в том, что его сокровище в целости и сохранности благополучно переночевало между кустами сирени и трансформаторной будкой.

Чтобы окончательно убедиться, что это ему не приснилось, Крячко забрался внутрь своей машины и для верности даже ощупал руль, торпеду и сиденья. Ничего не скажешь, повезло. Он на миг представил себе, что это его «мерс» покоится там, на стоянке, черный и обгорелый. Его передернуло.

Но что же могло случиться с машинами на стоянке? Молния ударила или у кого-то замкнуло проводку? Версий было множество, хоть на кофейной гуще гадай.

Не успел Крячко вернуться в квартиру, как снова раздался телефонный звонок. Голос дежурного по управлению сообщил, что его вызывает генерал Орлов по особо срочному делу. Какому – не сказал.

Наскоро позавтракав, полковник оправился на работу. И, хотя у нормальных людей на календаре значилась суббота, для сыщика это был обычный рабочий день.

* * *

В это солнечное майское субботнее утро старший опер Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел, полковник милиции Лев Иванович Гуров сделал сотое отжимание от пола. Неплохо для его возраста. Античные греки вообще считали, что расцвет мужчины наступает к пятидесяти годам, так что у него все еще было впереди.

С этой оптимистичной мыслью Гуров замер на пару секунд в положении «упор лежа». Подумав, отжался еще несколько раз, потом еще, не считая, до полного изнеможения, и прыжком вскочил на ноги. Когда-то он увлекался силовыми тренажерами, «качал железо»,

но это время давно прошло. Сейчас из всех тренажеров полковник предпочитал два – пол в гостиной и тяжелый боксерский мешок в прихожей.

Проходя мимо мешка, Гуров обрушил на него серию мощных ударов. Шестипудовая махина качнулась и заходила ходуном. Упражнения для пресса и приседания на одной ноге, «пистолетиком», сыщик выполнил раньше, и теперь направился в душ. Бегать Гуров не любил, предпочитал, если получалось, ходить пешком до работы.

В ванной он тщательно побрился и занялся любимым делом – чисткой обуви. По строгим английским нормам на чистку одного ботинка полагается тратить полчаса. Полковник за это время справлялся с парой.

Тщательно протерев ботинки тряпочкой, он обильно намазал их кремом и оставил просушиться. Затем позволил себе легкий завтрак – чашку кофе эспрессо с бутербродом. Телевизор сыщик принципиально не смотрел, новости слушал по радио. Он обратил внимание на сообщение о поджоге машин. Отметил, что сгорела целая стоянка, причем в районе, где живет Крячко.

После кофе полковник перешел к не менее важной процедуре. Он принялся гладить брюки. Брюки были составной частью костюма, одного из тех, что привез из ГДР отец Гурова, генерал, служивший тогда в составе Западной группы войск. Габаритами отец и сын совпадали, за модой генерал не гнался. Сын – тоже, предпочитая моде стиль. Брюки не были ни особенно узкими, ни широкими, как и лацканы пиджаков. Благодаря этому сыщик смотрелся элегантно, невзирая на смену времен и фасонов.

Мария, жена Гурова, будучи актрисой, особенно остро переживала соседство с этим текстильным антиквариатом. Она давно собиралась собрать все старые костюмы мужа и отнести их во двор, чтобы раздарить местным бомжам. Они же тоже люди, пусть пофорсят и пофасонят. Но Гуров стойко боролся за свои привязанности и гардероб сохранил.

Полгода назад Мария, вернувшись с театрального фестиваля в Эдинбурге, привезла Гурову шотландский твидовый пиджак. На локтях пиджак был украшен эффектными замшевыми заплатками.

«Настоящий твид с берегов Твида, – заявила она. – Теперь ты будешь похож на Клинта Иствуда».

Гуров меньше всего хотел быть похожим на кого-либо, кроме самого себя. А от Клинта Иствуда его и вовсе тошнило. Пиджак с замшевыми локтями он повесил в шкаф и больше к нему не прикасался.

Но сегодня его ждал неприятный сюрприз. Выгладив брюки и проверив остроту и прямизну стрелок, полковник взял с вешалки пиджак от костюма и вдруг обнаружил, что тот безнадежно протерся на боку от постоянного ношения плечевой кобуры.

Впрочем, огорчился он не очень сильно и собрался было надеть другой костюм, как зазвонил телефон. Дежурный доложил, что генерал Орлов срочно собирает «своих» сыщиков по неотложному делу.

Сегодня Гуров планировал проверить один подозрительный автосервис. А тут все бросай – и в отдел. Полковник вообще считал, что сыщик должен появляться в конторе только в самом крайнем случае. Но начальство придерживалось прямо противоположной точки зрения.

Гуров уже собрался перезвонить Орлову, но передумал. По пустякам Петр не стал бы беспокоить их со Станиславом. Сейчас генерал наверняка сам не в лучшем настроении, а попадать под горячую руку начальника, пускай он даже и друг, сыщику не хотелось.

Гладить брюки от другого костюма было некогда. Иначе на работу пришлось бы не идти, а ехать. Ехать на машине – простоишь в пробках. На метро вроде недалеко, но с двумя пересадками. Надежнее пешком. Но тогда следовало выйти немедленно.

С тяжелым вздохом Гуров извлек из недр шкафа твидовый пиджак. С темными свежевыглаженными брюками он смотрелся неплохо. Хотя сыщик и торопился, но не забыл навести блеск на обувь. Теперь можно было выйти из дому.

* * *

Владелец страховой фирмы Игорь Страховский слушал радио за рулем по дороге на работу. При этом он негромко напевал припев старой песенки, которую называл «Гимном страховщика».

Его заинтересовало сообщение из криминальной хроники. Он даже петь перестал. В сообщении говорилось о массовом акте вандализма – поджоге автомобилей на стоянке в одном из спальных районов города.

Страховщик Страховский не смог дослушать новости до конца. Заверещал мобильник. Звонил ему один из самых ценных его ВИП-клиентов, Ставрогин.

– Привет! – поздоровался он. – У меня для тебя плохие новости. Напомни, пожар относится к страховым случаям? Ты будешь смеяться, но у меня тачка сгорела.

– Это случайно не тот прикол, про который сейчас по радио говорят? – наугад поинтересовался Страховский.

– Если про пожар на автостоянке, то это он.

Настроение у Страховского резко упало.

– Хреново, – признался он. – Сейчас вышлю агента, говори адрес.

– Я лучше сам к тебе подъеду, – предложил страховщику Николай Всеволодович. – Тема есть, перетереть надо. Через час тебя устроит?

Страховский был немного удивлен, но согласился.

* * *

С тех пор как езда по улицам Москвы стала все больше напоминать бег в мешках, Гуров предпочитал ходить на работу пешком. Учитывая, что вместо воздуха по пути приходилось дышать выхлопными газами, по дороге он не курил, первую сигарету позволял себе только за рабочим столом.

Сегодня, по случаю выходного, машин на улицах было меньше. Гуров пошел обычным маршрутом – по Никитскому бульвару мимо Арбатской, вниз к Москве-реке, через мост, мимо кинотеатра «Ударник». Дальше – по Якиманке до станции метро «Октябрьская». Здесь в большом белом здании с видом на памятник Ленину и находилось постоянное место работы сыщика – Главное управление уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Полковник шел широким уверенным шагом и думал про свою жизнь. В общем и целом следовало признать, что получилась у него полная фигня, а не жизнь. Детей не нажили, с женой непонятно что. Понятно, что она актриса, можно сказать, звезда. А точнее – комета. Появилась, исчезла, снова появилась, опять исчезла. Циклами.

То ли дело Станислав! Имеет нормальную семью. Жена, дочка взрослая. Скоро, глядишь, внуки пойдут. И на работе никаких проблем. А вот Гурова коллеги с трудом терпят, считают любимчиком генерала. Но ведь и Станислав у Петра в таких же любимчиках числится, а ему все с рук сходит.

Хороши любимчики! Петр их гоняет в хвост и в гриву. Не успевают из одного аврала вылезти, как в другой попадают. Но Станислава почему-то все любят, а Гурова – нет. Может, права Мария? Она как-то упрекнула Гурова, что изо всех существующих грехов он подвержен лишь одному-единственному, зато самому тяжкому из смертных грехов – гордыне.

Положение у Гурова и Крячко и в самом деле было особое – свободные сыщики в свободном поиске. И это при полковничьих погонах. Такое было возможно только благодаря дружбе и покровительству генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова, начальника главка. Он уже много лет как собирался уйти на пенсию, но все продолжал работать. А когда действительно уйдет, так и Гурову со Станиславом придется выбирать: или становиться нормальными полковниками, то есть начальниками каких-нибудь отделов, или уходить в частные структуры. Это они уже пробовали. Не получилось. Не то амплуа, как сказала бы Мария.

Гуров считал себя государственным человеком. Государевым слугой, если угодно. Традиции обязывали. Ведь после Февральской революции, когда государя-императора предали и армия, и гвардия, и так называемый народ, верной присяге осталась только полиция. За что впоследствии и пострадала. Во время переворота и после него товарищи революционеры устроили на полицейских настоящую охоту. Но его девиз «Служить, но не прислуживать» определенно не соответствовал духу времени. Перспектива была мрачной.

Так, в грустных размышлениях, он миновал мост через Москву-реку. С афиши кинотеатра «Ударник» на него смотрел лощеный элегантный мужик с большим револьвером. На мужике, как и на Гурове, был надет пиджак с замшевыми заплатами на локтях. Так и есть, Клинт Иствуд, будь он неладен!

Полковник ускорил шаг. На мосту через Водоотводный канал, именуемый москвичами Канавой, его догнал знакомый «Мерседес». Помигав правыми поворотниками, он остановился чуть впереди. Станислав открыл дверь и махнул другу рукой.

– Запрыгивай!

Когда Гуров уселся рядом, Станислав потрогал его за рукав.

– Занятный пиджачишко. Только вот никак не соображу, кого ты мне с этими замшевыми локтями напоминаешь – то ли Грязного Гарри в исполнении Клинта Иствуда, то ли Индиану Джонса в его профессорском обличье. Бабочки вот только не хватает. Напомни, я тебе на День милиции подарю.

Гуров не был расположен шутить и тему не поддержал.

– Не знаешь, зачем нас Петр вызывает? – хмуро спросил он.

– Понятия не имею. А сам как думаешь?

Гуров пожал плечами:

– Тоже в непонятке. Я новости слушал – вроде бы этой ночью никого не убили. Все тихо. Разве что целую стоянку машин сожгли. Ты в курсе? Это же где-то в твоем районе.

Крячко кивнул:

– В моем. Хуже того, прямо у моего дома, на моей стоянке.

Гурова эта новость заинтересовала.

– А твоя как уцелела?

Крячко усмехнулся:

– Повезло, как в том анекдоте: выиграл бесплатную путевку на «Титаник», но на пароход опоздал. Представляешь, на мое обычное место влез какой-то хам…

И он рассказал другу о происшествии.

Гуров задумался:

– И все сгорело? Слушай, а это не твоя работа? Что называется, «жестокая мстя». Так сказать, сними стресс и спи спокойно.

– Да иди ты! – обиделся Крячко.

Гуров похлопал друга по плечу:

– Правильно, не признавайся ни в коем случае. Даже мне.

В управлении они поднялись в свой кабинет. Здесь было тесно. Столы полковников стояли чуть ли не нос к носу. Возле вешалки Гуров наклонился, чтобы обмахнуть слегка запылившуюся обувь. В этот момент дверь в кабинет широко распахнулась. Гуров успел

увернуться и выругался. Его чуть не снесло. На пороге стоял и улыбался подполковник Капец из службы собственной безопасности. Карьерист, чинодрал и вообще редкая сволочь. Вытянутый нос и скошенный подбородок придавали его лицу сходство с лисьей мордой.

– Слушай, подпол, тебя не учили стучать, особенно в двери старших по званию? – рявкнул на него Гуров.

Улыбка мигом слетела с подполковничьего лица. Он так растерялся, что не мог произнести ни слова в ответ. Видно, сбился с мысли.

– Странно, – заметил Крячко. – Сотрудник собственной безопасности – и стучать не умеет.

Капец наконец сумел оправиться от конфуза и снова озарился иезуитской улыбкой. Он протиснулся между столами и обратился к Крячко:

– Товарищ полковник, вас еще в прошлом месяце просили написать объяснение по поводу приобретения вами в личную собственность автомобиля «Мерседес». На предмет – как и на какие деньги куплено. Потрудитесь занести его сегодня в мой кабинет.

Глядя на его мерзкую ухмылку, Гуров уже не мог скрывать раздражения.

– А о чем же вы, интересно, раньше думали? Полковник Крячко на этом «Мерседесе» уже сто лет ездит, а вы только в прошлом месяце зачесались.

Подполковник повернул лисью морду к Гурову:

– Видите ли, товарищ…

– Я тебе не товарищ, а господин! Господин полковник! – снова рявкнул Гуров. – Повтори!

– Видите ли, господин полковник, – поспешно поправился Капец. – Раньше в нашем ведомстве работали не слишком добросовестные люди. Одно слово – оборотни. Теперь же картина изменилась. Так что будьте спокойны.

Гуров презрительно усмехнулся:

– Да мне-то беспокоиться нечего. Я ведь взяток не беру. Это, по-моему, даже в вашей службе знают.

Капец уныло похлюпал длинным носом.

– Да, конечно… Это похвально, но…

Гуров изобразил лицом удивление и обиду.

– Не веришь?

Капец скис окончательно:

– Ну, почему? Верю, конечно… Только ведь и на старуху бывает проруха. Вот вы, Лев Иванович, слишком часто табельное оружие применяете, и у вас, к слову, тоже иностранная машина имеется.

– Ну что ты, у меня «Пежо», – пренебрежительно махнул рукой Гуров, словно речь шла о велосипеде.

Подполковник Капец не нашел, что возразить. Вероятно, он считал, что фирма «Пежо» выпускает лишь одни малолитражки. Наверное, он невнимательно смотрел фильм «Такси». Извинившись, Капец вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Гуров строго посмотрел на Станислава.

– А что я тебе говорил? «Бери что-нибудь попроще». Нет, «мерс» ему подавай! Да не простой, а навороченный. Голимые понты, как говорят наши клиенты! Вот за любовь к понтам и ответишь. Этот Капец сумеет отравить жизнь любому. Ладно, пошли к начальству.

* * *

Секретарша генерала Орлова Верочка осваивала новую компьютерную программу и только махнула сыщикам рукой на генеральскую дверь.

– Ждет с нетерпением!

Они постучали и вошли. Генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов был в мундире. Значит, только что прибыл «сверху», с очередного вливания. Лицо краснее обычного. Он сидел за столом и почесывал короткими пальцами за ухом.

Когда генерал чесал за ухом, это означало, что дела – хуже некуда. В противном случае он тер ладонью свой монументальный подбородок.

В кабинете ощутимо пахло валерьянкой и кофе. Гуров прошел на свое законное место к окну, открыл форточку и закурил наконец первую сигарету. Станислав уселся на «свой» стул и демонстративно покрутил головой.

– Ты чего? – хмуро поинтересовался генерал.

– Странно, – отозвался Станислав. – Обещали аврал, а что-то никого не видно. Ни тебе министров, ни генералов. Хоть бы депутат какой забрел.

Орлов проворчал:

– А я тебе что, не генерал? Не волнуйся, и депутат скоро появится. Докладывайте, что по пропавшим наработали. Хоть что-нибудь нашли? Трупы или машины?

Гуров коротко отчитался о проделанной за месяц работе. Была она кропотливой и изматывающей, но никаких реальных сдвигов пока не было. Сыщики прочесали бесконечные улицы гаражей, складов, фабрик или других хозяйственных построек, именуемых промзонами. Найти в этом хаосе нужный объект было куда труднее, чем иголку от шприца в стогу маковой соломы или черную кошку в бочке дегтя.

В процессе работы они раскрыли с десяток угонов и накрыли несколько криминальных автомастерских, где преступники перекрашивали краденые машины и перебивали номера. Но к их делу это никакого отношения не имело.

Орлов слушал вроде бы внимательно, но, против обыкновения, не перебивал. Гурова это удивило. Он прервал отчет и прямо спросил:

– Петр, где горит?

Орлов приподнял брови:

– А ты откуда знаешь?

Гуров отрицательно покрутил головой:

– Ничего я не знаю, жду, что ты просветишь. А что, разве и в самом деле что-то сгорело?

Крячко не удержался, чтобы не вставить свое:

– Неужели в самом деле погорели карусели?

Генерал припечатал стол широкой короткопалой ладонью.

– Сгорело, и много чего. Ты, Лева, присядь, не маячь. А ты, Стас, просто помолчи и послушай.

– Ты же знаешь, я не люблю сидеть, – возразил Гуров, но все же послушно уселся на подоконник.

– У них пинжак мнется, – пояснил Крячко. – И бруки.

Генерал пропустил очередную шутку мимо ушей и сообщил:

– Я пригласил вас, господа, в связи с ночным поджогом машин.

Гуров выразительно посмотрел на Станислава и подмигнул.

– Не признавайся! – негромко, но достаточно внятно произнес он и со сдержанным возмущением обратился к генералу: – Поджоги – это, конечно, дело серьезное. Как раз для нашего главка. А что, разве пожарные сами уже не справляются? Петр, ты не забыл, что вообще-то наша специфика – раскрытие убийств, а не помощь отстающим смежникам? Дома тушить, роды принимать, поднимать затонувшие корабли – это ведь не наша работа! А то, глядишь, орбитальную станцию подремонтировать потребуется. Тоже нас запрягут?

Орлов осуждающе покачал головой:

– Лева, кончай паясничать, это прерогатива Станислава. Лучше помоги делом. Тут не знаешь, с какого конца браться. Короче, среди сгоревших машин оказалась одна не совсем обычная. Машина Ставрогина. Надеюсь, вы о нем наслышаны.

Гуров усмехнулся:

– Кто же о нем не слышал? Говорят, если ему случайно упадет на голову кирпич, коррупция в стране уменьшится вдвое. По оперативной информации, он посредничает в каждой второй сделке между продажными чиновниками, нелегальным бизнесом и откровенным криминалом. Кстати, его уже выперли из парламентариев?

Орлов нахмурился:

– Фактически да, но формально он все еще числится депутатом. А пока что его товарищи по партии считают это террористическим актом и чуть ли не от имени всего депутатского корпуса требуют возмездия.

Гуров затушил сигарету.

– А что говорит сам будущий экс-депутат?

Орлов отмахнулся.

– Не знаю, он сейчас должен приехать. Сам все и расскажет. Пока ясно, что дело темное. Этой ночью сгорело одиннадцать машин. Возможно, работал сумасшедший одиночка, возможно – хулиган. Или группа хулиганов.

Генерал тяжело вздохнул и выжидательно посмотрел на обоих сыщиков. Крячко развел руками и ничего не ответил. Гуров не стал скрывать раздражения:

– Знаешь, Петр, вся эта история сильно отдает лакейством. Ну, хорошо. Сейчас мы, холопы, бросим все свои дела и начнем искать тех, кто спалил карету вельможного барина. А ведь не он один такой. У того машина сгорела, у другого собачка сбежала, у третьего жена ноготь сломала. А ты, сыскарь, носом в землю и вперед! От забора и до заката.

Дверь неслышно открылась. Верочка внесла в кабинет поднос. Генералу – чай в стакане с тяжелым серебряным подстаканником, полковникам – кофе: Гурову – чашку двойного эспрессо, а Станиславу – большую кружку растворимого.

Крячко, как ни странно, первым переключился на деловой лад:

– А не могли болельщики пошалить? Футбола давно у нас не было? Может, чемпионат какой?

– Не было, – ответил Гуров. – Это счастье еще впереди. Разве что дворовые команды мячик не поделили? В Марьине, вон, недавно кавказцы с русскими играли. Так местные в футбол продули и решили взять реванш в силовых единоборствах. В результате массовая драка и поножовщина со стрельбой.

Верочка обернулась уже в дверях и ужаснулась:

– Какой кошмар! И кто победил – местные или кавказцы?

– В Марьине местные – это как раз и есть кавказцы, – пояснил Гуров. – Они там титульная нация. А кофе был просто замечательный, спасибо!

Верочка благодарно улыбнулась и скрылась за дверью.

Генерал мечтательно сощурился.

– Эх, кабы группу злостных поджигателей раскрыть! Тут бы вам и медальки, а то и орденок. А мне, старику, глядишь – еще годик дали бы поработать. Да где там? Наверняка какой-нибудь придурок подсуетился. Кстати, хочу предупредить. Для вас лучшим вариантом будет именно этот – найти сумасшедшего одиночку. Во всяком случае, такой расклад устроит всех там, наверху. Даже тех, кто на словах будет высказывать недовольство. Этих – особенно.

Гуров глянул на циферблат больших башенных часов в углу кабинета.

– Петр, мы, с твоего разрешения, пойдем проветримся. Все равно депутат что-то запаздывает.

Орлов отвел глаза.

– Простите, ребята.

Станислав сделал вид, что изумлен:

– Окстись, Петр Николаич! За что?

– Сам знаешь, – отрезал генерал. – Я не должен был вас подставлять. Не сумел. Непростое это дело. И нехорошее. Грязное.

Гуров жестом успокоил друга-начальника:

– Ладно, Петр, кончай каяться. Мы в последнее время только такими делами и занимаемся. Непростыми и грязными.

И оба сыщика вышли из кабинета.

* * *

Выйдя в коридор, сыщики увидели знакомое лицо. В приемной на диване сидел журналист Влад Дорохов. Крячко пошел к себе, а Гуров задержался.

Он поприветствовал журналиста и поинтересовался:

– Тебя за что взяли? От призыва в армию уклонялся или ребенка изнасиловал?

– Не родился еще тот мент, который мне хомут подвесит! – парировал Дорохов. – Даже вам, Лев Иваныч, это не под силу, признайтесь.

– Да, – согласился Гуров. – Много у нас еще недоработок. Но ты не переживай, что-нибудь придумаем. Специально для тебя.

Несмотря на молодость, Влад пользовался среди пишущей братии непререкаемым авторитетом. Гуров тоже относился к нему с уважением и некоторой долей симпатии. Ему не всегда нравилось то, что пишет Дорохов, но полковник отдавал должное его честности и смелости.

– Ты здесь по какому делу? – спросил Гуров.

– А вы про ночной пожар разве не слышали? Как говорится, если машины поджигают, значит, это кому-то нужно. Вот, решил получить информацию из первых рук. А вы что, Лев Иваныч, не рады встрече?

– Чему радоваться? – урезонил журналиста полковник. – Воронье слетается на пожарище. Ты и твои коллеги сейчас начнете из пустяка раздувать сенсацию. И тем самым плеснете в костер бензина. В прямом и переносном смысле. И отреагируют в первую очередь пироманы, шизанутые борцы за справедливость и частные мстители. Наконец, просто хулиганье. Думаю, после публикаций в СМИ поджоги приобретут массовые масштабы.

Журналист смущенно прокашлялся:

– Откровенно говоря, мне на эти поджоги глубоко наплевать. Я ими воспользовался просто как поводом, чтобы пропуск получить. Вообще-то моя тема – махинации со столичной землей под застройку. Я тут у вас хочу попробовать перехватить господина Ставрогина. В других местах его поймать совершенно невозможно.

Гурова ответ позабавил.

– А откуда ты узнал, что он должен сюда приехать?

Дорохов развел руками:

– Извиняйте, гражданин начальник, источников не разглашаем.

– А если яйца дверкой прищемить? Ага! Знаем, где у вас, журналюг, слабое место. Мы за вами давно следим. Колись, что думаешь насчет поджога? А то пропуск отберу, будешь своего депутата на улице ловить.

Дорохов задумчиво почесал кончик носа.

– Как вам сказать… Ищи того, кому это выгодно, как учили древние римляне. А, собственно, Ставрогин каким краем у вас проходит? Ну, хоть намекните – он свидетель или подозреваемый?

– Потерпевший.

Гуров вдоволь налюбовался на маску изумления, которую Дорохов даже не попытался скрыть. Наконец спросил:

– Слушай, Влад, а за что ты его так не любишь?

Журналист ответил не сразу. И вместо ответа сам задал вопрос:

– Господин полковник, а сколько вы получаете в месяц? Скажете или это секрет?

– Да.

– Скажете?

– Да – это секрет.

Дорохов рассмеялся.

– Я так и думал. Ладно, не говорите. И так догадываюсь. Думаю, ненамного больше, чем я. Так вот, по теории господина Ставрогина, Москва не для таких, как мы. Здесь должны жить люди с подушным месячным доходом в несколько тысяч долларов. А теперь уже евро. Господин Ставрогин относится к породе свиней или хорьков. Это не оскорбление, а констатация факта. Им мало просто нажраться, даже в три горла. Нет, они хотят все перегрызть и испоганить. Чтобы на века память осталась. Памятники в виде руин и помоек.

– Здесь я с тобой согласен, но это только общие слова. А конкретно? Имена, явки, пароли?

– Вам нужны имена? А зачем? – В голосе журналиста прозвучало разочарование и даже пренебрежение. – Что вы сможете сделать, скажем, с тем же Ставрогиным? Или другой персонаж – Мурад Джавдетов. Ему фактически принадлежит весь центр Москвы. Знаете, во время первой чеченской войны родной аул Мурада в результате так называемого точечного коврового бомбометания сровняли с землей. И он поклялся сделать то же самое с Москвой.

– Неужели разбомбить? – не поверил Гуров.

– Нет, зачем же? – сказал Дорохов. – Не разбомбить, а просто уничтожить Москву как памятник старины, как культурное целое. Выгнать москвичей из их домов и загнать за черту города. Превратить столицу в караван-сарай для заезжих нефтяных магнатов и коррумпированных чиновников. С этой целью он скупает в центре Москвы целые кварталы старинных домов, пускает их под нож бульдозера и возводит на их месте безвкусные башни-минареты. Турецкий евроремонт в масштабах города. Вместо нашего города воссоздает свой аул.

Гуров насторожился:

– Думаешь, он может иметь отношение к поджогу машин?

Дорохов покачал головой:

– Кто, Мурад? Зачем ему это? Гаражей он не строит, страховым бизнесом не занимается.

– А в качестве мести за родной аул?

– Нет, для него это слишком мелко. И, я бы сказал, унизительно. Он работает по-крупному, с размахом. Что ему десяток-другой сгоревших машин?

Со стороны Гуров напоминал собаку, взявшую след.

– А при чем тут Ставрогин?

Дорохов подумал – стоит ли открывать сыщику все карты.

– При чем Ставрогин? – переспросил он. – А Ставрогин, как всегда, при деньгах. А вот, кстати, и он. Легок на помине!

В дальнем конце коридора появился солидный, сравнительно молодой человек с бородкой-эспаньолкой. Он важно шествовал в сопровождении Крячко. По лицу Станислава было заметно, что роль сопровождающего столь высокой особы не доставляет ему удовольствия.

Гуров прервал журналиста:

– Ладно, твой номер сразу после моего. Спрячься, чтобы он тебя не увидел. Сейчас я его слегка выпотрошу, а на обратном пути ты сможешь его перехватить. И делай с ним все, что хочешь, ни в чем себе не отказывай.

– Спасибо, Лев Иваныч! – улыбнулся журналист. – А вы нормальный мужик! Знаете, в этом пиджаке вы вылитый Клинт Иствуд.

– Исчезни! – прорычал сыщик.

Дорохов понял его с полуслова и скрылся за оконной занавеской. Гуров присоединился к Станиславу и кивком головы представился Ставрогину:

– Гуров, Лев Иванович. Полковник.

Ставрогин в ответ также представился полковнику. Все вместе они прошли в кабинет генерала Орлова.

В кабинете, к немалому удивлению сыщиков, важный клиент повел себя крайне просто. В разговоре он обращался не только к генералу, но и к обоим полковникам. Вроде как не делал между ними никакого различия или знал об их дружбе.

– Братцы, мне жутко неудобно, – признался Ставрогин. – Я не хотел никуда заявлять, но наш глава фракции настоял. Для него это лишний повод попиариться. Он такого ни за что не упустит, вы же его знаете. Мне самому и в голову бы не пришло раздувать это дело. В общем, если вдруг от меня потребуется какая помощь, обращайтесь. Найдете поджигателя – отблагодарю. Если свернете дело на тормозах, тоже в обиде не буду. Мне вся эта шумиха ни к чему. Не люблю сомнительной популярности. Как там у Ильфа и Петрова? «Попал под лошадь О. Бендер». Нет, я себя в роли жертвы никак не позиционирую. Я личность активная. Люблю жить на адреналине, на грани фола. Покой не по мне.

Гуров полагал, что Ставрогин должен давать показания, а не интервью. Поэтому прервал его речь:

– Простите, все это крайне интересно, но мы бы хотели узнать размер понесенного вами ущерба. Машина, надеюсь, была застрахована?

Ставрогин вдруг как-то засуетился и стал двигаться к выходу.

– Да, конечно, застрахована. Так что нет никаких оснований беспокоиться. Извините, мне пора.

На прощание Николай Всеволодович придержал Гурова за пиджак. Его лицо прямотаки лучилось доброжелательностью.

– А знаете, полковник, вы очень похожи на Клинта Иствуда.

Гуров с трудом сдержался, чтобы не зарычать. Он проводил господина Ставрогина до дверей приемной. Выглянув через пару секунд в коридор, обнаружил, что он пуст. Ни депутата, ни журналиста Дорохова там уже не было.

Из генеральского кабинета Гуров и Крячко прямиком отправились к себе, составлять план предстоящей работы. Дело предстояло серьезное. Это вам не убийства раскрывать, тут без писанины никак не обойтись. В воображении сыщиков уже высились горы бумаг, и радости это не прибавляло.

Вечер подкрался незаметно. Погода испортилась.

* * *

Этим субботним вечером многие были буквально охвачены странной лихорадкой. Иван Жуков был целиком поглощен составлением плана предстоящих мероприятий. Его энтузиазму позавидовал бы и завзятый бюрократ.

Иван строил графики, отчеркивал стройные колонки. Отдельно по поджогу машин, отдельно особняков, отдельно уничтожение причалов с катерами и яхтами. И так далее. Все объединяла графа «Отметка об исполнении».

При этом глаза главного городского мстителя горели благородным огнем борца за всеобщее счастье и равенство.

* * *

Тем же вечером страховщик Страховский напряженно всматривался в экран своего ноутбука. Всю свою жизнь он занимался страховым бизнесом. Собственно, чем бы еще он мог заняться с такой фамилией? Были в его деятельности успехи, бывали и неудачи. И вот он, шанс! Такого больше не будет.

Дело было рискованным, но оно того стоило. Страховщик Страховский откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Искушение было слишком сильным. Он понял, что не устоит.

* * *

Вечером убийца и пироманьяк Видинеев собрал лекарства, которые принимал по предписанию врача уже третий год, и аккуратно, стараясь не уронить и не просыпать, выбросил в мусорное ведро. Больше он в них не нуждался.

Весь прошедший день он находился под впечатлением событий огненной ночи. С присущей ему добросовестностью Видинеев приготовил канистру, ветошь, зажигалку и прочие необходимые вещи. При этом его руки мелко дрожали от нетерпения. Наконец-то! Вот он и наступил, праздник на его улице. Он уже не мог и не хотел сдерживаться.

Перед тем как выйти из квартиры, Видинеев проверил, не забыл ли он выключить свет и электроприборы. Потом тщательно закрыл форточки. Этажом выше жил идиот, который имел обыкновение курить, высунувшись из окна, и сыпал вниз пепел и окурки.

Пироманьяк Видинеев очень боялся пожара в собственной квартире.

* * *

Дело было тем же вечером, делать было нечего. Толя пил.

Пил Толя пиво, поскольку на более крепкие напитки денег не хватало. Борис молчал. Николай качал ногой, обутой в рваный «адидас» с Черкизовского рынка.

Тут Боря прервал молчание и брякнул. Просто так:

– Слыхали, как прошлой ночью машины горели? Эх, вот бы и нам такое замутить!

Николай зевнул и с завистью взглянул на пьющего Толю.

– Если бы да кабы! Для этого бензин нужен, тряпье всякое. А тут и на пиво не наскребешь.

– Бензин из машин слить можно… – неуверенно протянул Борис. – Через шланг.

– А он у тебя есть? То-то! Без бабла никак.

Тут откуда-то сверху, с мусорных баков, раздался зычный и бодрый голос:

– Не ссы, братва, есть бабло!

Приятели с удивлением уставились на говорившего. Замашки и тон выдавали в нем главаря. Свет далекого фонаря отражался от его лысой головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.